

195594

Пастухова Мария Фоминична

Б Е Н Е Ф И С

Пьесу К. Хиггинса/и К.-Ж. Каррьера/«Гарольд и Мод» так любят на театре, что по ее постановкам можно изучать театральную карту России. Ее сегодняшний адрес: Центральный театр Российской Армии (режиссер Андрей Бадулин).

Поэтому говорить о сюжете нет надобности: он слишком *Москвичка — 1994. — 19 мая (№15). — С.4*

Начну с прописной истины о том, что актриса, играющая восьмидесятилетнюю Мод, должна обладать той степенью обаяния, чтобы не только покорить молодого Гарольда, но и заставить поверить в это зрительный зал. Вот именно это-то — пожалуй, единственное — и удалось авторам спектакля в полной мере. Мод играет М. Пастухова, благодаря которой и для которой этот спектакль стал бенефисом. Мод-Пастухова, эксцентричная, совершающая вызывающие общественное порицание поступки во имя добра, живущая исключительно по принципам справедливости и честности, одним словом, как говорят, без комплексов, действительно способна покорить кого угодно. Даже Гарольда, человека тоже эксцентричного, даже сверх меры, правда, в несколько ином ключе. И потому выбор М. Пастуховой на роль Мод — поистине «попадание в десятку».

Я не буду говорить о псевдосамоубийствах Гарольда (на то она и черная комедия), о том, что доброта и открытость Мод, ее жизненная установка не оставаться на скамье запасных игроков, а быть в гуще жизни, пересилили эгоизм Гарольда. Я буду говорить о другом. О том, что авторы спектакля черную комедию чуть было не превратили в мелодраму (я имею в виду отношения Гарольда и Мод), и если бы не Мод, в которой нет ни капли слезливости, если бы не легкость, с которой она идет по

В К Р У Г У

жизни и по спектаклю, то замысел драматургов был бы — намеренно или невольно — заменен режиссером на противоположный. И не могли бы никакие «штучки» Гарольда вроде «отрубленной» руки на глазах у потенциальной невесты. Вот и получается, что благодаря Мод-Пастуховой, которая никак не тянет на роль резонера, театру удалось не отойти от жанра драматургического оригинала. И потому не нужно умильных слез и, значит, не надо готовить платок, когда Мод добровольно уходит из жизни — финал спектакля все равно жизнеутверждающ и не противоречит жизненным принципам героини: после восьмидесяти жизнь может приобрести совсем иную форму и пришедшая на смену энергичности немощь может помешать ей жить так, как она единственно хочет и может. Легко и свободно. Творя добро с присущим ей альтруизмом.

Я умышленно не называю фамилии исполнителей других ролей, даже Гарольда. Ибо несмотря на попытки актеров показать характеры своих героев, они, эти герои, получились на сцене столь легковесными, порой натужно-наигранными, иногда откровенно невыразительными, что воспринимать их серьезно просто нельзя. Но сила человеческого и актерского обаяния Пастуховой, ее темперамент, ее

Татьяна МИНАЕВА

хорошо известен. Поговорим лучше о том, насколько интересным получился спектакль в театре Российской Армии. Ведь, если решиться ставить столь популярную пьесу, надо иметь какую-то свою неординарную задумку, чтобы невольно приходящие на ум параллели были в пользу последней. Итак, что же задумал Андрей Бадулин?

умение не сфальшивить даже среди фальши, пусть намеренной, но явной, «держат» спектакль. Сколько надо таланта, ума, актерской правдивости, чтобы самой не сбиться, не попасть в порочный круг старательной актерской «сделанности», другого, более точного слова, не подберу. Ибо глядя спектакль, начинаешь понимать, что все персонажи не сыграны, а «сделаны» исполнителями, причем со всем присущим им умением из приобретенных за

З А Б Ы Т Ы Х

жизнь сценических штампов. Но «сделанность», какая бы тщательная она ни была, всегда безжизненна, она сродни марионеточности — вот то, может быть, не слишком лестное сравнение, которое напрашивается при созерцании «актерского ансамбля» на сцене. Хотя, если бы режиссер, дергая за веревочки, «поменял» руки или был бы в другом настроении, или, быть может, дернул где-то чуть слабее, то может быть... Впрочем, о чем это я? Веревочки брошены как попало, дергать за них никто не хочет. Потому что на самом деле перед нами все же живые актеры, предоставленные самим себе, забытые, откровенно растерявшиеся от абсолютного отсутствия у режиссера той самой оригинальной задумки,

которой я интересовалась в начале этих заметок, той идеи, что скрепляет все составляющие сценического действия в единое целое. Вот чего не хватает в спектакле. Главного или нет — сказать трудно, ибо бенефис все же состоялся. Вот это противоречие, пожалуй, главное свойство постановки.

И еще такой парадокс: на этом спектакле — комедии — я не слышала зрительского смеха, но и не видела покидающих зал в антракте. Притяжение известной пьесы? Не может быть: ведь она явно не получила достойного сценического воплощения. Думаю, во всем «виновато» притяжение М. Пастуховой. Ну почему мы считаем, что главный на театре режиссер? Ведь в дорежиссерском театре на сцене гла-

ПЕРСОНАЖЕЙ

венствовал актер, и от этого зритель вовсе не страдал. Нет, я не призываю вернуться в прошлый век. Но когда режиссера нет, а исполнитель главной роли — большой Артист и большая Личность, это что-то должно означать. В этом спектакле означает. Большую творческую победу замечательной актрисы Марии Фоминичны Пастуховой.